

На правах рукописи

СВЕЧНИКОВ Владимир Серафимович

**МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ПРАКТИКИ
В СОЦИАЛЬНОМ КОНСТРУИРОВАНИИ
РЕАЛЬНОСТЕЙ**

**Специальность 22.00.06-
Социология культуры, духовной жизни**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Саратов 2004

Диссертация выполнена в Саратовском государственном техническом университете

Официальные оппоненты: - доктор философских наук, профессор
Ионин Леонид Григорьевич

- доктор философских наук, профессор
Андреев Эдуард Михайлович

- доктор социологических наук, профессор
Климова Светлана Владимировна

Ведущая организация: Институт социологии
Российской академии наук

Защита состоится «11» мая 2004 года в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.242.03 в Саратовском государственном техническом университете по адресу: 410054, Саратов, ул. Политехническая, 77, Саратовский государственный технический университет, корп.1, ауд. 319

С диссертацией можно ознакомиться в научно-технической библиотеке Саратовского государственного технического университета.

Автореферат разослан «20» июня 2004 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Печенкин В. В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

. Актуальность исследования манипулятивных практик, используемых в социальном конструировании виртуальных реальностей, обусловлена динамическим развитием коммуникационных процессов современного общества:

Духовная жизнь современного общества является той сферой социальной жизни, в которой наиболее часто встречаются примеры неявного манипулирования поведенческими реакциями социальных групп и индивидов. Существует множество способов манипулирования сознанием и поведением человека, но наиболее эффективным из них оказывается использование манипуляторами скрытых технологий внедрения в сознание объектов манипуляции виртуальных реальностей с измененными каузальными связями.

Индивид, попадающий в виртуальную реальность, принимает решения и действует на основе внедренного в его сознание социального поведенческого алгоритма. Социальное конструирование виртуальных реальностей и неявное внедрение их в сознание индивидов представляет собой, таким образом, чрезвычайно эффективный и не фиксируемый наблюдателями способ управления их социальным поведением.

Социальное управление человеком, группой людей очень часто встречает сопротивление со стороны объектов управления, если цели, стоящие перед группой, и цели управляющего различны. В этом случае для инициаторов управляющего воздействия существуют лишь два пути для достижения поставленных целей: силовое управление, в котором индивидов пытаются заставить выполнить навязываемое им действие, и замаскированное неявное управление. Ко второму способу манипуляторы чаще всего прибегают тогда, когда предвидят сопротивление, а силовое управление оказывается нежелательным.

Внедрение в сознание членов социума виртуальных реальностей с измененными каузальными связями способно изменить традиционные духовные ценности. Неявное управление может существенно трансформировать и нарушить привычные системы социальной дифференциации и социальной устойчивости. Эти отдаленные последствия представляют собой труднооценимый ущерб, наносимый сообществу манипуляторами.

Массовое сознание, обуславливающее социальное поведение множества людей и определяющее социализацию личности в обществе, много-кратно подвергается массированной и, как правило, закамуфлированной обработке через средства массовой коммуникации. Основной способ манипулирования сознанием заключается в оперировании информационными потоками. При этом информацию можно исключить, утаить полностью

или частично, исказить, преподнести определенным способом. Цели, предсказуемые инициаторами управления, могут быть самыми разными, но чаще всего они заключаются в безальтернативном навязывании решений и действий, выгодных манипуляторам, но невыгодных управляемым индивидам.

Мистификации как составные части манипулирования сознанием предназначены для достижения цели там, где достижение ее другими способами требует неоправданно больших материальных или иных затрат, а то и вовсе оказывается недостижимым. Самым главным отличительным свойством мистификаций является то, что они не распознаются теми, против кого они направлены. Изобретатель новой мистификации тщательно ее маскирует, камуфлирует, прячет, используя для этого огромный арсенал приемов, заложенных в манипулятивные практики. Для того чтобы мистификация эффективно выполнила свои функции, манипулятор вступает в поле социальной коммуникации.

Ни один из мистификаторов не декларирует свои возможности и истинные цели. Наоборот, он тщательно их камуфлирует. Делается все возможное для того, чтобы маскировка продержалась до последней заключительной фазы социального взаимодействия. Чаще всего действия мистификатора остаются нераспознанными, что дает ему возможность продолжать свою активную деятельность.

Выявление и классификация средств и приемов манипулятивных практик, их обнаружение в социальных коммуникациях позволят понять механизмы социального конструирования и несанкционированного внедрения виртуальных реальностей в сознание индивидов. Это, в свою очередь, позволит разработать эффективную защиту против неявного внедрения виртуальных реальностей и замены ими реальности повседневности. Задача становится еще более актуальной в связи с появлением новых информационных технологий, электронных средств массовой информации в эпоху развивающейся глобализации.

Степень разработанности проблемы. Магические интеракции представляют собой, на взгляд диссертанта, некий рафинированный образец манипулятивных практик. В конце XIX - начале XX вв. социологическая наука обогатилась классическими исследованиями магии. Первые описания магических обрядов и верований были скорее этнографическими работами, рассматривающими культуру и жизнь первобытных племен. Классификация магических обрядов приводится в трудах Э. Тайлора, Дж. Фрэзера, А. Фиркандта, К. Леви-Строса, Л. Леви-Брюля, К. Прейсса, Э. Эванс-Причарда, Б. Малиновского, С. Токарева, А. Григоренко, С. Гречишникова, J. Adair, A. Bennett, Fr. Boas, J. Brown, Kn. Rasmussen.

Проблемы природы человеческого мышления, культурной обусловленности его развития, магичность примитивных верований исследованы в

работах G. Basden, J. Beraau, E. Best, C. Bock, W. Brownlie, W. Crooke, H. Dieterlen, J. Driberg, Ch. Dundas, A. Elkin, J. Evans, J. Groot, B. Hagen, J. Hansen, C. Hobley, D. Jeness, R. Karsten, P. Mangin, A. Morice.

Созданные классификации магии и описания магических ритуалов позволили социологии подойти к рассмотрению взаимоотношений магии и религии. Здесь необходимо отметить классические труды Г. Фрика, Н. Risley, W. Roth, B. Thomson, G. Turner.

Следующий закономерный аспект в изучении магии вывел социологию на исследование функций, выполняемых магией в различных социумах. Этой проблеме посвящены работы А. Рэдклифф-Брауна, И. Касавина, Н. Автономовой, А. Яковлева, В. Рабиновича, Б. Пружинила, В. Филатова, А. Грязнова, П. Успенского, А. Уайтхеда, Н. Трубникова, В. Hagen, W. Hatch, C. Hobley, A. Howitt, D. Jeness, R. Karsten, J. Kubary, R. Latcham, M. Loeb, A. Mackintosh.

Магия представляет собой огромный пласт культуры, впитавший в себя различные стороны развития массового сознания, ритуальных и манипулятивных практик. Неудивительно, что к ее изучению обращались, помимо социологии, и другие гуманитарные дисциплины. Маншгулятивные практики в магических интеракциях весьма многогранны. Здесь необходимо отметить работы их исследователей в области психологии, специалистов в структурной лингвистике, культурологов: Я. Алстеда, З. Фрейда, К. Юнга, С. Грофа, С. Дж. Рухайма, К. Леви-Строса, Э. Лича, М. Деннинга, Д. Гриндера, Р. Бэндлера, П. Мертона, Х. Тревор-Ропера, Е. Быстрицкого, Р. Mangin, J. Mooney, R. Packard, M. Horowitz, О. Кегерберг, R. Mathews.

Гносеологические основы магии рассматривали в своих работах А. Анисимов, С. Белорусов, Ю. Борунков, А. Григоренко, С. Гроф, И. Ильин, И. Касавин, И. Крывелев, Г. Лебединец, Ю. Левада, Б. Лобовик, В. Москалец, Н. Мэлони, С. Орехов, А. Онищенко, Б. Рассел, Г. Рейнин, А. Спиркин, А. Сухов, В. Танчер, С. Токарев, А. Уотс, Д. Угринович, Б. Шаревская, М. Шахнович, В. Шинкарук.

Вопросы социальных, в том числе и магических коммуникаций, их специфических механизмов и закономерностей, структур и функциональных возможностей были подняты на уровень социальной рефлексии благодаря работам Э. Баджа, Э. Берджеса, Г. Беккера, А. Боскова, И. Гофмана, М. Дуглас, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, И. Канта, Ф. Кинга, А. Лефевра, Э. Лича, Дж. Милля, Д. Маккинни, Р. Парка, Т. Парсонса, П. Сорокина, Дж. Тернера, М. Хайдеггера.

Специфичность социальных коммуникаций, основанная на различии индивидов, как структурирующей их пространственной силе получила развитие в фундаментальных исследованиях П. Бурдье, Ж. Делеза, Ж. Деррида, Ю. Качанова, А. Филиппова, Н. Шматко, Е. Ярской-

Смирновой. Вопросы соотношения и магичности социального пространства, его структуры и систем дифференциации раскрываются И. Валлерстайном, Б. Вальденфельсом, Р. Мертом, П. Штомпкой, Ю. Хабермасом, А. Эйзенштадтом. Феноменологическая традиция описания пространственных форм магических взаимодействий берет начало в идеях Х. Гадамера, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, понимающей социологии А. Шюца, этнотеории Г. Гарфинкеля и продолжается работами Г. Башляра, П. Рикера, М. де Серто, G. Lakoff and M. Johnson, C. Tilley, E. S. Casey, W. Brueggemann. Игровая концепция культуры, насыщенная своеобразными манипулятивными практиками, рассмотрена в работах Й. Хейзинги, М. Элиаде.

Проблемы магии и ее социального пространства в рамках современного города исследуют О. Паченков, О. Бредникова, В. Воронков, Е. Чикадзе. Вербализация сексуальности, которая всегда являлась неотъемлемой частью «любовной магии», активно использующей целый спектр манипулятивных технологий, рассмотрена в работах К. Герасимовой, С. Дамберга.

Е. Здравомыслова, А. Темкина исследуют социальную конструкцию тендерса, что приобретает значение в тендерном измерении социальной активности современных интерактивных манипулятивных практик. Национальный и этнический аспект в конструировании этничности находит отражение в работах О. Карпенко. Проблемы этнической идентичности, нередко сопровождающие развитие манипулятивных практик, в контексте развития национально-культурных центров рассматривают Э. Забродина, Л. Пугачева, П. Романов, О. Русина, В. Ярская, Е. Ярская-Смирнова.

Отдельные проблемы массовых коммуникаций, коммуникативное действие, скрытые механизмы контроля рассмотрены О. Кольцовой, которая обратила внимание на прагматическую концепцию современного языка, нередко создающую проблему «разорванной коммуникации». А. Корсун, А. Сарно, И. Сарно, С. Шайнберг исследуют несовпадение «желаемого» и «действительного», что чаще всего сопровождает манипулятивные практики.

Магические интеракции, в которых манипуляции сознанием представляют собой важный аспект процесса, предполагают скрытые формы управления поведением индивидов. Социология управления представлена классическими трудами М. Вебера, О. Батлера, Ч. Бернарда, А. Пригожина, А. Файоля. Особенности российской ментальности в системе управления рассматривались на основе трудов Н. Бердяева, П. Великого, В. Виноградского, О. Лавровой, В. Лысикова, А. Понукалина.

Проблема виртуализации общества и социальное конструирование реальностей в диссертационной работе основываются на социокультурном анализе процессов, проведенном П. Бергером, Т. Дридзе, Г. Зиммелем, Д. Ивановым, Л. Иониным, Т. Лукманом, Р. Мертом, Ч. Миллсом,

А. Моллем, С. Московичи, Н. Носовым, А. Панковым, Дж. Серлом, В. Сиремко.

Социологические аспекты связи магии и мистики, нашедшие отражение в диссертационной работе, рассмотрены в работах Ю. Воробьевского, П. Гуревича, О. Диксона, У. Джемса, Н. Зедерблюма, И. Ильина, Р. Итса, А. Кураева, В. Легойды, Э. Лэнга, Б. Малиновского, Е. Парнова, О. Пфлейдерера, Г. Фрика, А. Хоффманна.

Процессы мистификации, сопровождающие манипулятивные практики в условиях современного социума, все больше привлекают внимание современных культурологов, психологов и социологов. В диссертационной работе нашли отражение работы Ж. Тощенко, Л. Ионина, Ю. Щербатых, Р. Белкина, Р. Белоусова, В. Богораз-Тана, С. Горина, Д. Дубровского, С. Жижека, Х. Зенгера, В. Знакова, С. Кара-Мурзы, Н. Козлова, В. Ларичева, А. Леманна, Ж. Лиотара, В. Панкратова, С. Романова, П. Таранова, Э. Шострома, Д. Fitzkee. В настоящее время проблемы неявного манипулирования общественными сознанием и поведением являются объектом пристального анализа многих социальных наук — философии, психологии, политологии, права и социологии. В диссертации при исследовании этой проблемы мы опирались на труды А. Власова, М. Горшкова, С. Горячева, Ю. Ермакова, Ю. Замощкина, К. Изарда, Р. Ландемана, Д. Мартина, Т. Nikolaевой, Е. Петренко, Ю. Согомонова, П. Таранова, Э. Фромма, О. Феофанова, Ф. Хайека, К.Хаджиева, В. Шейнова, Ю. Шерковина.

Драматургический подход в рассмотрении манипулятивных практик, специфика исполнения манипуляторами определенных социальных ролей, процессы интерпретации и дефиниции, концепции символического интеракционизма, нашедшие отражение в диссертационной работе, базировались на работах И. Гофмана, Дж. Морено, К. Станиславского, Г. Блумера, М. Куна, Д. Льюиса, Р. Смита, А. Строса, М. Стайкера, П. Сорокина, Э. Тириакьяна, Н. Дензина, Э. Гоулднера, Н. Элиаса.

Манипулятивные аспекты конструирования виртуальных реальностей изложены в работах А. Вадимова, М. Триваса, Ю. Дмитриева, А. Декрана, Н. Носова, М. Хотинского, Г. Гофмана, Г. Греголи, R. Abraham, M. Ammar, L. Becker, G. Blake, W. Dexter, J. Dunniger, D: Fitzkee, L. Ganson, J. Hugard, P. Osborn, H. Tarbell, D. Vernon.

Магичность современности, проникновение современных технологий, уже не отличимых от магических, во все сферы жизни исследуются в работах С. Ветровой, Е. Грицая, Л. Ионина, И. Косуля, В. Коробова, Л. Малеса, Е. Прохоренко, С. Романенко, О. Садовникова, Ю. Сороки, О. Христофоровой, Е. Ходуса.

Отношение к магическим практикам современной российской молодежи во многом определяется ее религиозностью и «квазирелигиозностью». В исследовании этого вопроса мы опирались на

работы Л. Воронцовой, И. Дунаевой, П. Кулакова, Л. Митрохина, М. Мчедлова, Л. Новиковой, А. Панкова, В. Подшивалкиной, С. Филатова, Д. Фурмана. При этом теоретическая проработка проблемы в контексте социологического подхода к исследованию магических практик современности, которую можно встретить в опубликованных работах, проводилась на уровне, не обеспечивающем, по мнению диссертанта, решение многих актуальных вопросов. Остаются, например, невыясненными и слабо проработанными связи магических практик с манипулированием информационными потоками, выявление скрытых приемов манипулирования сознанием.

Интерес социологов, который неизменно вызывает к себе феномен магии, не распространяется, однако, на феномены управления и манипулирования сознанием с помощью магических технологий. А ведь использование таких скрытых магических технологий в современных межличностных и массовых коммуникациях требует определенной рефлексии со стороны научного сообщества.

На взгляд диссертанта, для понимания социальной ситуации магического взаимодействия, основанного на замаскированном использовании манипулятивных практик, необходимо не просто констатировать магический феномен как некое явление, но и определить отношение к ситуации всех ее акторов с позиций драматургии исполняемых ими «ролей». Ведь именно оценка ситуации во многом определяет действия сторон, дальнейшие шаги и реакции участников коммуникации. Если клиенту в магической интеракции с помощью манипулятивных практик внедрена в сознание специально сконструированная манипулятором виртуальная реальность, предполагающая безальтернативную поведенческую реакцию клиента, то социально действия мага можно квалифицировать как неявное управление.

Целостный подход к исследованию манипулятивных практик должен методологически обеспечить, на взгляд диссертанта, исследование процесса магической интеракции не только с позиции наблюдателя в рамках интерпретаций конечных ситуаций, задаваемых магами и априорно присутствующих в массовом сознании. Для понимания социальной сущности манипулятивной коммуникации исследователь должен рассмотреть всю совокупность скрытых от пассивного наблюдателя действий активного манипулятора. Необходимо исследовать приемы работы манипулятора, социально конструирующего и неявно внедряющего виртуальную реальность с новыми каузальными связями в сознание участников социальных коммуникаций. Лишь тогда можно будет определить место и возможности манипулятивных практик в социуме.

Методологические и теоретические основания диссертации. Целостность осмыслиения социальной реальности, возникающей в процессе

межличностных и массовых коммуникаций, обеспечивалась методологическими и концептуальными ориентирами классической научной традиции. Важными методологическими и теоретическими источниками для данного исследования явились работы классиков социологии, труды современных зарубежных и отечественных авторов в области межсубъектных взаимодействий, формальных и неформальных организаций и социального неравенства. Автор работает в русле понимающей социологии М. Вебера, символического интеракционизма Г. Блумера, драматического подхода И. Гофмана, интерпретативной феноменолого-герменевтической социологии А. Шюца, социально-исторического анализа и социологии по-вседневности. Принципы социального конструирования реальностей в трактовке П. Бергера и Т. Лукмана явились методологическим основанием анализа социально-технических и социально-психологических приемов манипулятивных практик конструирования виртуальных реальностей. Исследования Е. Ярской-Смирновой послужили методологическим ориентиром при рассмотрении вопросов нетипичности, социальных норм и отклонений в исследовании приемов создания и представления образа роли мага-целителя.

Научные традиции, созданные Б. Малиновским, М. Мидом и А. Рэдклифф-Брауном и рассматривающие культурную группу как предмет социальной антропологии, послужили методологическим основанием диссертационного исследования магических организаций. В исследований магических взаимодействий диссертант опирается на аналитические модели антропологической рефлексии в условиях современного общества, предложенные К. Гирцем и М. Глюкманом, а также на обширную традицию антропологии организаций. Ряд идей, важных для разработки теоретических оснований и методологии программы исследования, диссертант находит в трудах Ж. Тощенко, Г. Батыгина, В. Ядова, В. Ярской, П. Романова. В рассмотрении манипулятивных практик, используемых в некоторых магических актах, учитывалась систематика представлений о досуге М. Каплана, Дж. Келли, Л. Хейвуда.

Целью исследования является развитие теоретических оснований, методологии и методов социологического анализа манипулятивных практик, используемых манипуляторами в социальных коммуникациях. В соответствии с поставленной целью диссертантом выдвигаются следующие задачи:

- проанализировать и обобщить отечественные и зарубежные теоретические и прикладные социологические исследования манипулятивных практик, в частности магии как вида социальной коммуникации, предполагающей конструирование виртуальных реальностей;

- разработать программу социологического исследования виртуальных реальностей и практик манипулирования общественным и индивидуальным сознанием;
- разработать авторскую методологию, позволяющую исследовать магические интеракции с внешней стороны - со стороны наблюдателя, и одновременно оценивать ситуацию с точки зрения самого манипулятора;
- выявить духовные и социокультурные основания магии как социального института, обуславливающего специфические социальные нормы, традиции, ролевой репертуар и набор социальных технологий, способствующих устойчивому функционированию и воспроизведству магии в различных социумах;
- провести социологическое исследование манипулятивных практик конструирования виртуальных реальностей с задаваемыми манипулятором каузальными свойствами и разработать теоретическую модель манипулятивной коммуникации;
- выявить социальные параметры и процессы конструирования виртуальных реальностей в рамках социокультурного анализа динамических и организационных особенностей в магическом сообществе на примере Российского Магического Братства;
- разработать на основе авторской концептуальной модели магической интеракции методологию и социальную технологию экспертизы паранормальных феноменов, возникающих при использовании манипулятивных практик;
- провести социологический анализ манипулятивных практик в различных культурных контекстах;
- исследовать особенности социального взаимодействия в опосредованных магических интеракциях.

Объектом исследования являются манипулятивные практики социального конструирования виртуальных реальностей и технологии их внедрения в сознание индивидов.

Предмет исследования - социокультурные механизмы, обеспечивающие эффективность манипулятивных коммуникаций.

Эмпирическую базу исследования на стадии анализа манипулятивных практик, используемых в межличностных и массовых коммуникациях, составили: кейс-стади, глубинные интервью, анкетные опросы, фокус-группы, включенное наблюдение, использование драматургической метафоры, методология двойной рефлексивности, непосредственное личное участие в магических интеракциях, этнографическое исследование, анализ выполненных диссертантом видеосъемок процессов магических интеракций, фотографий, текстов. В основе используемой диссертантом методологии двойной рефлексивности лежит предположение о прямой взаимосвязи между «объективной» реальностью повседневности и вопросами ее пони-

мания и выбора. Именно в таком контексте исследуется корреляция возросшей квазиэлгиозности с обращениями к целителям-экстрасенсам определенного контингента российской молодежи.

Центральной гипотезой исследования выступает предположение о том, что в манипулятивных коммуникациях, в частности в магических интеракциях, происходит неявная для объекта манипуляции подмена его модели социальной реальности моделью специально сконструированной активным манипулятором виртуальной реальности, в которой физические факты заменяются интенциальными. Эта подмена, как правило, конструируется и совершается магами, но не фиксируется объектами манипуляции и наблюдателями, что вызывает смещение интерпретационных схем.

Научная новизна диссертационного исследования определяется разработкой авторской концепции социального конструирования виртуальных реальностей на основе использования манипулятивных практик; разработкой методологии исследования манипулятивных практик, спецификой подхода к социологическому исследованию определенного типа рациональности, механизмов, стратегий и процессов конструирования виртуальных реальностей с измененными каузальными связями и контроля социального поведения индивидов;

- впервые осуществлена социально-антропологическая концептуализация феномена магии как специфической коммуникации с использованием манипулятивных практик в контексте эволюции подходов, методов социальной антропологии магических организаций; предложена авторская трактовка методологических оснований этнографии магических коммуникаций, использующих манипулятивные практики, как нового направления отечественной социологии, формулируются оригинальные стратегии и принципы полевых этнографических исследований процессов конструирования виртуальных реальностей с использованием манипулятивных практик;
- осуществлена новая классификация теоретических подходов к анализу феномена магии; в тезаурус отечественной социологии вводятся понятия скрытых манипулятивных практик конструирования виртуальных реальностей; магические интеракции анализируются в интегративной парадигме аспектов социального института, социальной группы; проанализированы технологии неявного управления поведенческими реакциями; рассмотрены социальные качества манипулятора в профессиональной деятельности; дается авторское определение магии как социальной практики, использующей скрытые манипулятивные технологии; демонстрируется аналитический потенциал интерпретативной и критической социологии в исследованиях социальных взаимодействий в процессе специальных коммуникаций;

- по-новому группируются известные и впервые вводятся в отечественную библиографию новые зарубежные междисциплинарные источники, описывающие манипулятивные практики конструирования виртуальных реальностей в процессе магических интеракций; осуществлено в сравнительной перспективе авторское описание основных факторов формирования духовных и социокультурных оснований магии как социального института;

- впервые предложена авторская концепция ролевой двухкомпонентной структуры социального института магии, выявлены и структурированы духовные и социокультурные основы его функционирования и воспроизведения, предложена методология анализа его компонент;

- впервые дается объяснение социокультурных факторов функционирования, динамики и управления магической организацией на примере Российского Магического Братства; обосновывается новая для отечественной социологии методология исследования организационной культуры закрытого магического сообщества, тендерных отношений в магической организации;

- впервые предпринята попытка реализации холистического комплексного подхода к выработке концептуальных основ исследования социокультурного феномена магии в единстве аспектов манипулятивных практик;

- разработана и апробирована методика экспертизы парапротивных феноменов на возможность использования манипулятивных практик.'

Достоверность и обоснованность результатов исследования определяются непротиворечивыми теоретическими положениями, комплексным использованием теоретических и эмпирических методов, корректным применением положений социологии о социальной структуре, социальной динамике, социальных институтах. Результаты и интерпретации проведенных эмпирических исследований соотносятся с известными экспериментальными данными отечественных и зарубежных ученых.

Результаты диссертационного исследования автор формулирует как положения, выносимые на защиту:

1. Анализ методологических подходов к социологическому исследованию манипулятивных практик, в частности магии, предполагающей конструирование виртуальных реальностей, позволил выявить два радикальных подхода - физикалистский и мистический. Физикалистскому подходу свойственно априорное убеждение в том, что за магией не стоит никаких реальных явлений. Мистический подход делает попытку объяснения магических феноменов на основе существования независимых от сознания индивида сверхъестественных сущностей или парапротивных состояний психики. Замкнутость как физикалистского, так и мистического методоло-

гических подходов в рамках первоначальных гипотез ограничивает исследователей в построении непротиворечивой социокультурной концепции магии, раскрывающей социальную сущность ее феноменов. Холистическая (авторская) методология позволяет исследовать манипулятивные практики и магические коммуникации как с внешней стороны - со стороны наблюдателя, так и с точки зрения самого манипулятора, на основе двойной рефлексивности.

2. Повторяемость и стандартизация магических интеракций обеспечивается институциализацией магии как социокультурного феномена. Обращение к магии обусловлено необходимостью в удовлетворении жизненно важных потребностей: биологических (здравье), потребности в безопасности, социальных потребностей и потребности в уважении, потребности в получении новых впечатлений и информации. В обществе социальный институт магии выполняет следующие функции: воспроизведение культурных магических ценностей и образцов, наращивание личного потенциала, инициация профессиональной и жизненной карьеры, функции социального контроля и снятия индивидуальной ответственности, формирование социальной идентичности и социальной принадлежности к особой группе «посвященных», социальной селекции.

Ролевая структура института магии предполагает существование двух взаимодополняющих групп социальных ролей: производителей и потребителей магических услуг. Социальная группа магов, активно конструирующих виртуальные реальности с использованием манипулятивных практик, подразделяется на четыре ролевые подгруппы: сценических магов, магов-мистиков, магов-целителей и магов-мистификаторов, для каждой из которых существует свой набор поведенческих стратегий и аксессуаров.

3. Социологическая интерпретация магии как формы специфической социальной практики позволяет достичь концептуального синтеза трех ключевых, ранее изолированных друг от друга аспектов исследования феномена магии: процесса социального конструирования магами виртуальной реальности, используемой манипулятивной практики ее внедрения в сознание индивидов и механизма получения запланированных поведенческих реакций. Магия представляет собой своеобразный, не опознаваемый неподготовленным наблюдателем или участником коммуникационный процесс, в котором активными манипуляторами используются структурированные наборы невербальных и вербальных кодировок передаваемой информации. В результате целенаправленных, но, как правило, неявных или закамуфлированных действий манипулятора им социально конструируется виртуальная реальность с задаваемыми манипулятором каузальными связями. Эта модель виртуальной реальности активно внедряется в сознание объектов манипуляции и замещает или вытесняет их собственную

модель реальности. Не фиксируемая объектами манипуляции замена реальности повседневности и происходящее при этом нарушение привычных каузальных связей интерпретируется ими как некое парапротивное явление. Это происходит в результате замены физических феноменов и фактов интенциональными фактами. Участник коммуникации, не знакомый с манипулятивными практиками, автоматически попадает в категорию пассивных наблюдателей и способен транслировать интерпретацию ситуации, которую ему неявно навязывает активный манипулятор.

4. Манипулятивная практика - это неявное программирование мнений и стремлений индивидов и социальных групп, их настроений и психического состояния, алгоритма анализа поступающей информации с целью обеспечения заданного социального поведения, используемое как основной прием социального конструирования виртуальных реальностей в сфере духовной жизни. Манипулятивная практика становится возможной, когда в результате целенаправленной деятельности манипулятора соединенные системы приобретают идентичные состояния благодаря изоморфному соответствуию передаваемых через коммуникационную цепь сигналов, обусловленному социальным запасом знания участников взаимодействия. В межличностных коммуникациях происходит встречный обмен информационными потоками, что помогает манипулятору устанавливать эффективную обратную связь.

5. Виртуальная реальность, конструируемая в межличностных и в массовых коммуникациях манипуляторами, - это реальность, которая отличается от привычной повседневной реальности проявлением неожиданных и большей частью непредсказуемых свойств и событий. Реальность повседневности, в которой пребывает индивид до погружения в виртуальную реальность, описывается общепринятой социально-нормативной схемой интерпретации. Виртуальная реальность возникает при расхождении индивидуальной и социально-нормативной схем интерпретации реальности. Виртуальная реальность при этом оказывается вторичной реальностью, продуцируемой порождающей ее константной реальностью. Остенсивное определение виртуальной реальности через перечисление ее основных свойств выглядит следующим образом.

Производность порождения. Виртуальная реальность продуцируется активностью какой-либо другой реальности, внешней по отношению к ней.

Уникальный хронотоп. Виртуальная реальность существует актуально, пока активна порождающая константная реальность, но имеет свое уникальное время, пространство и законы существования. Влияние социальности индивида с традиционными пространственно-временными координатами в виртуальной реальности минимизируется.

Императивность. Виртуальная реальность предопределяет специфику социальных действий, заданную ее каузальными связями.

Интерактивность. Виртуальная реальность может взаимодействовать с другими реальностями, в том числе и с порождающей реальностью, как онтологически не зависимая от них.

6. Механизм социального конструирования виртуальных реальностей и получения запланированных поведенческих реакций раскрывается в терминах переструктурирования опыта повседневности, социального запаса знаний и специфики когнитивных традиций. Знание этих факторов позволяет манипулятору успешно оперировать вариантами создаваемых моделей фиксируемых явлений. Виртуальные реальности возникают за счет того, что манипулятор провоцирует возникновение запланированных им суждений зрителя как на уровне восприятия, так и на уровне мышления, что позволяет эффективно внедрять виртуальные реальности в сознание объектов манипуляции, и, задавая алгоритм принятия решений, неявно управлять их социальным поведением. Использование манипулятивного приема искажения и утаивания информации от ее потребителя применяется практически всеми политическими партиями для конструирования своего имиджа в глазах потенциальных избирателей и сторонников.

7. Выявление приемов и средств манипулятивных практик, применяемых манипуляторами в социальных коммуникациях, сопряжено с целым рядом трудностей, порождаемых закрытостью от наблюдателя реальных действий манипулятора. Большинство объектов манипуляции самостоятельно не способны оценить сам факт использования против них каких-либо манипулятивных практик. Это происходит в результате одновременного воздействия двух факторов. Первый фактор - это использование манипуляторами ожиданий объектов манипуляций в качестве основного стимула для вовлечения их в свою манипуляцию. Второй - это высокий уровень владения манипулятивными технологиями со стороны самих манипуляторов.

Потенциальными объектами манипуляций могут стать практически любые члены социума, вступающие во взаимодействие с другими людьми. Социально-психологические стороны характера потенциальных объектов манипуляции используются манипуляторами как в межличностных, так и в массовых коммуникациях. Отличие этих процессов манипуляции состоит в нарушенной, замедленной либо вообще в отсутствующей обратной связи между субъектами и объектами манипуляций при использовании манипуляторами средств массовой коммуникации. В межличностной коммуникации, даже при наличии большой группы людей, манипулятор всегда устанавливает обратную связь, поскольку взаимодействует с индивидами по принципу «здесь и сейчас», лицом к лицу.

8. Комплексное применение манипулятивных практик создания виртуальных реальностей в социальных коммуникациях формирует у объекта манипуляции иллюзию отсутствия любого воздействия на него со стороны

манипулятора, что порождает, например, стойкое убеждение в сверхъестественной сущности магии, укорененное в массовом сознании. Незыблемость и убедительность виртуальной реальности определяется факторами, тщательно отсортированными и используемыми манипуляторами в определенной последовательности, которая складывается в общую манипулятивную стратегию управления восприятием зрителей. Среди выявленных в результате исследования манипулятивных приемов главными являются:

- интерпретация происходящего самим манипулятором,
- создаваемые манипулятором зрительные, аудиальные и тактильные образы и вызываемые ими ассоциации,
- симуляция со стороны манипулятора и проводимая им суггестия,
- уровень закрытости реальных действий,
- ожидания, демонстрируемые манипулятором,
- социально-психологические установки, изменяющие модель реальности повседневности.

Совокупность использования этих манипулятивных приемов представляет собой общую стратегию создания виртуальной реальности.

9. Магические интеракции представляют собой специфические формы игры с односторонне неопределенными правилами. Правила этой игры не определены для клиента, но сам манипулятор, конструирующий виртуальную реальность магического взаимодействия, не только создает эти правила, но и меняет их произвольно в зависимости от развития ситуации. Для успешного оперирования игровой ситуацией манипулятор должен активно поддерживать обратную связь. Все преимущества оператора на его стороне. Многослойная виртуальная реальность с различными регулируемыми каузальными связями в каждом слое не оставляет клиенту шанса понять правила игры и играть по этим правилам. Как только манипулятор определяет на основе обратной связи, что клиент приближается к пониманию сущности ситуации и начинает выпадать из виртуального пространства, с его стороны следует комплекс действий, меняющих причинно-следственные связи и создающих новый слой виртуальной реальности. Важнейшим правилом магической интеракции является превалирующая роль мага, позволяющая ему конструировать иную реальность и управлять существованием клиента в этой виртуальной реальности. Закономерностью же магической интеракции является маскировка и замалчивание этого правила.

10. В среде современной российской молодежи представлены мистические верования, не оформленные в четкую религиозную веру. Для современной молодежи характерно магическое сознание и вера в магию, которая, маскируясь под некие нетрадиционные научные системы, активно проникает в молодежную среду. Магическое сознание существует не само

по себе, а в общих рамках исторически обусловленного сознания социальной общности. Форма и степень религиозности - конфессиональная принадлежность, частота посещения храмов и иных культовых мест, участие в совместных ритуалах, чтение религиозной литературы-определяют отношение индивида к возросшему рынку магических услуг и его обращение к помощи мага-целителя.

11. Социокультурный анализ деятельности Российского Магического Братства (РОМБ) в интервале 1990-98 годов выявил динамику изменения количественного состава организации, ее социальный и гендерный состав, образовательный уровень, возраст, магические направления, интересные для изучения вступающему в Братство, мотивации для занятий магическими практиками и уровень владения магическими технологиями кандидатов в члены РОМБа.

У женщин и мужчин наблюдаются противоположные тенденции и стремления в получении магических знаний: женщины, выразившие желание вступить в магическое сообщество, стремятся изучать основы лечебной магии, мужчины хотят изучать иллюзионизм. Для мужчин, интересующихся магическими практиками, наиболее важной представляется практическая сторона дела и для них характерен в какой-то мере более материалистический взгляд на чудеса. Рациональный подход к магии заставляет мужчин искать рациональные способы реализации магических феноменов.

Социокультурный анализ показывает низкий образовательный уровень среди желающих изучать магию: только 7 % членов РОМБа имеют высшее образование. Большинство членов РОМБа назвали себя верующими людьми, не обозначая при этом свою принадлежность к определенной религиозной конфессии. Все вступающие в РОМБ верующие убеждены в лечебном эффекте биополя. Социокультурный анализ доказывает, что маги объединяются в коллектизы лишь вынужденно, для решения конкретных задач, которые индивидуально ими не могут быть решены. Большинство вступивших, например, в РОМБ прекратили взаимодействие после получения сертификата о членстве.

12. Авторская методика социальной экспертизы «паранормальных» явлений с точки зрения неявного использования манипулятивных практик позволяет фиксировать последовательность этапов процесса конструирования и внедрения виртуальных реальностей в сознание объектов манипуляции и манипулирование их поведенческими реакциями. Проведение экспертизы магических интеракций доказало их манипулятивную природу, отсутствие в них каких-либо сверхъестественных сил или сверхъестественных способностей мага.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования может быть представлена в нескольких направлениях:

1. Проведенное исследование, начатое автором в 1986 г., способно привлечь внимание социологов, культурологов, политологов, специалистов в области безопасности жизнедеятельности к задачам формирования интегративного направления в знании о механизмах скрытого управления поведенческими реакциями индивидов на базе социального конструирования виртуальных реальностей. Выдвинутая автором концепция магических интеракций как социальных манипулятивных практик служит более глубокому, комплексному, развернутому взгляду на феномен магии и способствует развитию социологической модели объяснения природы межличностных и массовых коммуникаций в области магии и роли духовных и социокультурных оснований магии как социального института.

2. Проведенные исследования открывают новое направление в социологии духовной жизни, способствуя уточнению и обновлению теоретических и методологических принципов социологических исследований, предлагая новую перспективу анализа использования манипулятивных практик в межличностных и массовых коммуникациях, развивая и дополняя методы качественного исследования. Идеи диссертации способствуют преодолению односторонности при социокультурном анализе феномена магии, позволяют осуществить антропологический поворот в исследовании принципов социального конструирования виртуальных реальностей, анализе проблем скрытого социального управления, властных практик, конфликта рациональностей.

3. Материалы проведенного исследования могут быть использованы для совершенствования образовательных программ в области социологии управления и организаций, социальной антропологии, истории социальной антропологии, предоставляя новые познавательные возможности, способствуя категориальной проработке и методологической рефлексии новых учебных курсов. Научные и научно-методические публикации и разработки автора по проблемам, представленным в настоящем исследовании, используются в учебном процессе при изучении социальной антропологии, безопасности жизнедеятельности студентами Саратовского государственного технического университета.

4. Материалы проведенного исследования могут использоваться по-литтехнологами для выработки механизмов фильтрации манипулятивных практик в межличностных и массовых коммуникациях, для выявления приемов скрытого управления поведенческими реакциями социальных групп, для экспертизы возможности использования скрытого конструирования виртуальных реальностей с заданными каузальными связями на основе манипулятивных практик. Содержание работ включено в учебные курсы по социальной антропологии, безопасности жизнедеятельности, ме-

•годам социологического исследования для студентов. Авторские разработки приемов конструирования виртуальных реальностей внедрены в постановки Саратовских академических театров Драмы, Юного Зрителя, оперы и балета.

Апробация работы. Основные положения, выводы и рекомендации, содержащиеся в диссертации, докладывались на заседаниях кафедры антропологии и социальной работы, кафедра эргономики и безопасности жизнедеятельности, семинарах Саратовского государственного технического университета, Саратовского государственного университета, на конференциях и научных симпозиумах 1989-2003 гг.: Первой Всесоюзной конференции «Биоинформэнерго-89» (Москва, 1989), на заседании Magic Circle (London, 1994), Международной конференции «Философия трансцендентного» (Саратов, 1994), Всероссийском конгрессе «Магия-90» (Москва, 1990), первом и втором съездах Русского отделения Международного Братства Магов (Саратов, 1991, 1993), «Современные этнические процессы» (Саратов, 2000), «Экологизация подготовки специалистов в вузах» (Саратов, 2001), Международном семинаре «Социальное неравенство и образование: проблема, исследования, действия» (Саратов, 2001), юбилейной научно-практической конференции «Системный подход в современной психологии» (Саратов, 2001), Международной научно-практической конференции «Проблемы нормы и патологии: современные дискурсивные практики» (Саратов, 2001), Всероссийской научной конференции «Стратегия современного общественного развития» (Саратов, 2002), Международном симпозиуме «Наука, антинаука и паранормальные верования» (Москва, 2002), Всероссийской научной конференции «Интеграционные процессы в российском обществе» (Саратов, 2002), Международной научно-практической конференции «Города региона: культурно-символическое наследие будущего» (Саратов, 2003), Международной научно-практической конференции «Мужчина в традиционной культуре народов Поволжья» (Астрахань, 2003), заседании лаборатории парапсихологических исследований (Ленинград, 1989).

Публикации. Основное содержание работы отражено в публикациях автора: 26 работ общим объемом 23 п.л., в том числе авторская монография и 6 статей в центральных периодических изданиях. Устройства, использующие манипулятивные практики для конструирования виртуальных реальностей, разработанные автором (в соавторстве), защищены 5 авторскими свидетельствами.

Структура диссертации включает введение, пять глав, заключение, список использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень ее разработанности в современной социальной науке, определяются объект, предмет, цели, задачи, достоверность и обоснованность, методологическая основа исследования, раскрывается научная новизна диссертации, ее теоретическая и практическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Сравнительный анализ методологических подходов к исследованию магии» проводится сравнительный анализ различных антропологических и социокультурных методологических подходов к исследованию и пониманию сущности магии и ее связи с религией. Автор полагает, что этот анализ необходим для определения границ социокультурного исследования сущности феномена магии как весьма специфического социального института, возникшего в конце двадцатого века в реформируемом российском обществе. Вырабатываемый методологический подход позволит выявить структурный и, что важнее, функциональный аспект магических коммуникаций магов и их клиентов в современном российском социуме.

Автором анализируются методологические подходы к исследованию феномена магии, которые могут быть условно названы материалистическим и мистическим.

Автор приходит к выводу, что в рамках материалистического подхода Г. Спенсер одним из первых выдвинул положение о том, что возникновение религии связано с чувством страха перед умершими предками, Э. Тайлером была разработана анимистическая концепция происхождения религии из первобытных представлений о душе и духовных существах, Д. Фрэзер предложил схему умственного развития человечества, последовательно включающую три стадии: магию - религию - науку, Э. Дюркгейм предложил свое определение религии и магии, основанное на социальном взгляде на их природу, М. Вебер, придавая большое значение сравнительному анализу религиозных верований человечества, связал религию с другими социальными институтами, Б. Малиновский вслед за Д. Фрэзером отмечал, что магия и наука проявляют ряд сходных черт, и на основании этого определял магию как псевдонауку. Материалистическому подходу свойственно априорное убеждение в том, что за магией не стоит никаких реальных физических явлений. Основная гипотеза материалистического подхода: магии как таковой не существует, имеется лишь вера в ее действенность. Во всех проанализированных исследованиях магии отсутствуют удовлетворительные объяснения социальных корней магии и способов социального конструирования реальностей.

Мистический подход иначе объясняет феномен магии. В частности, Э. Лэнг подверг критике анимистическую теорию. Он выдвинул предположение, что источником анимистических верований являются специфические «паранормальные» состояния психики, которые не рассматриваются рационалистической эволюционистской антропологией, О. Пфлейдерер определил основную идею религии в том, что идея Бога с необходимостью присуща нашему разуму и связал это положение с магией, Н. Зедерблом выделил представление маны и анимизм в область магии, считая ее прямой противоположностью религии, Г. Зиммель выступил идейным и научным противником «экономического» подхода к изучению истоков религии и магии, предложенного М. Вебером, Р. Маретт, вводя понятия табу и мана, не только не подвергал сомнению, но признавал наличие неких сверхъестественных сущностей в их безличных формах. В результате анализа этого подхода автор приходит к выводам, что мистический подход делает попытку объяснения магических феноменов на основе существования не зависимых от сознания индивида сверхъестественных сущностей или паранормальных состояний психики. Основная гипотеза мистического подхода: магия реально существует, и в ее основе лежит нечто сверхъестественное. Мистический подход фиксирует связь магии с социальными явлениями, но не дает этому факту удовлетворительного объяснения.

Диссертант приходит к выводу о том, что замкнутость как материалистического, так и мистического методологических подходов в рамках первоначальной гипотезы не оставляет исследователям возможности построить непротиворечивую, объясняющую с социологической точки зрения зафиксированные магические феномены, социокультурную концепцию магии, которая могла бы в своих основных положениях стать приемлемой как для материалистов, так и для мистиков.

Далее автор анализирует методологические подходы к исследованию магии, сформированные исследователями в конце XX века, и приходит к выводу, что классическим подходам свойственно рассмотрение лишь внешней стороны магии. Исследователи (А. Григоренко, С. Гречишников, С. Токарев) интерпретируют свои определенные наблюдения, но делают выводы на основании предположений, не подкрепленных конкретными исследованиями манипулятивных практик, неявно присутствующих в магических интеракциях. Таким образом, магия предстает в трудах социологов неким идеализированным инструментарием, служащим достижению конкретных целей, но при этом оставаясь практикой, основанной на ложных предпосылках и суевериях. Практически никто из исследователей не рассматривал магию как определенную социальную технологию, базирующуюся на неявном использовании манипулятивных практик. Обе школы - рационалистическая и мистическая - относят магию к сфере идеаль-

ного и не стремятся выявить ее практические возможности в сфере материального бытия, не рассматривают ее манипулятивные технологии.

Диссертант делает вывод, что социокультурный подход к исследованию магических феноменов должен быть, прежде всего, системным и позволяющим рассмотреть как внешние, так и внутренние взаимосвязи субъектов и объектов магических интеракций. В соответствии с таким подходом автором выдвигается предположение о том, что в межличностных и массовых коммуникациях активными манипуляторами с помощью манипулятивных практик производится социальное конструирование виртуальных реальностей и неявное их внедрение в сознание пассивных участников коммуникаций, ими не фиксируемое.

Исследование манипулятивных практик в границах демонстрируемых магических эффектов позволяет разработать методику экспертизы наблюдаемых паранормальных феноменов с точки зрения использования выявленных манипулятивных приемов социального конструирования виртуальных реальностей. Особое внимание при этом диссертант уделяет исследованию процесса совмещения манипулятором в ходе магической интеракции трансовых технологий с техниками нейролингвистического программирования, изменяющими социальное поведение индивидов и повсеместно используемыми в магических интеракциях.

Во второй главе «Духовные и социокультурные основания магии как социального института» диссертант анализирует социальную значимость магии в современном российском обществе. Многовековая история магии и ее широкая распространенность на всех континентах и в разных социумах наводят на мысль, что магия существует не только за счет инерции общественного сознания и преемственности магической традиции, но, скорее, в силу того, что ее воспроизводит сама социальная действительность. Это воспроизведение магии, отмеченное исследователями (Ю. Антонян, В. Басилов, П. Гуревич), на взгляд диссертанта, обусловлено сохранением в социумах определенного уровня качества социальных условий жизни, вызывающих потребность обращения к магическим практикам. Неизменность самого процесса существования индивидов в определенном физиологическом и социальном жизненном цикле с необходимостью рождает социальный институт магии.

Опираясь на идеи Э.Дюркгейма, П. Сорокина, автор рассматривает духовные и социокультурные основания магии, лежащие в основании соответствующего социального института. В настоящее время можно constатировать, что не только в доисторический период, но и в век информатики большином спросом пользуются различного рода гадания, астрологические прогнозы, магические ритуалы, поставляющие определенной части людей вполне пригодные знания об окружающем мире, жизненных ситуациях и них самих.

Социальная значимость магии в современном российском обществе подтверждается широким распространением массового магического сознания (С. Гречишников, П. Гуревич, Л. Ионин). Обращение к магии обусловлено необходимостью в удовлетворении жизненно важных потребностей, что указывает на выполнение магией в обществе вполне конкретных функций. Институциональность магии проявляется в ее повторяемости как социокультурного феномена, что позволяет говорить о ее способности выполнять функции социального института.

Потребность конкретного человека в магических услугах, как правило, возникает спонтанно при отсутствии реальной возможности обращения к существующим социальным институтам. При рассмотрении антропогенеза современного социума в рамках генетического подхода (О. Диксон, С. Жижек) можно обнаружить, что магия практически всегда идет впереди многих социальных институтов, заменяя их до тех пор, пока в их границах не выработаны нормы организации и регулирования определенных видов деятельности.

В основании механизма институционального замещения магией существующих и успешно функционирующих социальных институтов одновременно действуют социальный, гносеологический и психологический процессы (А. Григоренко, И. Крывелев). Диссертант, соглашаясь с идеями Л. Ионина, отмечает, что массовое сознание, вступая в область магических коммуникаций, насквозь пронизано мифологией. Наиболее важной чертой этой магической мифологичности является вера в возможность магического воздействия и влияния на все объекты живой и неживой природы. В сознании субъекта магической деятельности манипулятором конструируется новая связь между понятиями и объектами, допускающая воздействие одного объекта на другой посредством сверхъестественных сил, управляемых магом. Измененное состояние сознания объекта манипуляции не способно отличить субъективную ассоциацию идей от объективной причины связываний.

В гносеологическом механизме замещения в измененном состоянии сознания субъекта магическое знание оказывается принципиально не опровергаемым рациональной критикой. Такие критерии научности познания, как верифицируемость и фальсифицируемость, к магическому сознанию неприменимы (М. Хайдеггер, Н. Элиас). При всех, однако, различиях научного и магического знания они чрезвычайно близки в подсознании субъекта, поскольку и научная, и магическая деятельность имеют общую декларируемую цель – изменение мира в интересах человека в его земной жизни.

Выявление духовных и социокультурных оснований социального института магии позволяет диссиденту рассмотреть его структуру с позиций взаимодействующих индивидов. Автор, отталкиваясь от выявленного

И. Ильиным социального парадокса, согласно которому каждый человек, существуя в социуме, в своей духовной и телесной жизни остается абсолютно одиноким в своих собственных переживаниях всех моментов этой жизни, рассматривает социальную структуру института магии. На взгляд диссертанта, магия как социальный институт с позиции взаимодействующих индивидов представляет собой двухкомпонентное образование, перманентно существующее, воспроизведимое и функционирующее в различных социумах.

Первый ролевой компонент этого социального института - маги, на-деленные, с точки зрения, возможно, их самих и, безусловно, значительной части социума, некими сверхъестественными способностями. Маги - это активная часть социального института магии, всеми своими силами и возможностями поддерживающая мифологические взгляды на магию, присущие массовому сознанию.

Второй ролевой компонент - члены социума, верящие либо не веря-щие в магию, но в любом случае знающие о ее существовании. Это - пас-сивная, но наибольшая по численности часть социального института ма-гии, в массовом сознании которой перманентно существует и воспроизво-дится мифологическая концепция сверхъестественной сущности магии.

В работе подробно рассматривается категория магов. В социальном институте магии они представляют собой активный ролевой компонент, способствующий утверждению магических верований в социуме. Наибо-лее действенным способом утвердить себя в качестве мага является демон-страция способности создавать магические феномены. На взгляд диссер-танта, категорию «активных магов» следует разделить на четыре группы по признаку отношения к тем магическим феноменам, которые они могут. демонстрировать: сценические маги, маги-мистики, маги-целители и маги-мистификаторы.

Три категории магов - сценические маги, маги-мистики и маги-целители - заполняют в обществе определенные социальные ниши. При этом они удовлетворяют специфические потребности общества в рамках социального института магии (Г. Гурджиев, А. Кроули). Маги-мистификаторы, выделенные автором в отдельную категорию, могут, од-нако, маскироваться и существовать в любой из первых трех категорий. Автор обозначает их этим термином - мистификаторы - потому, что они декларируют свои сверхъестественные магические способности и возмож-ности, не обладая таковыми, а лишь создавая иллюзию такого обладания, используя для этого манипулятивные практики. На взгляд диссертанта, разочарование, сопутствующее общению с мистификатором, основной це-лью которого является отнюдь не помочь конкретному человеку, а лишь получение своего гонорара, вносит существенный социальный дискомфорт в жизнь клиента мага. Возникает актуальная проблема выработки опреде-

ленной формы социально-психологической защиты в рамках программы информационно-психологической безопасности жизнедеятельности. Такая программа может быть выработана и внедрена на уровне федерального закона, но, на взгляд автора, гораздо эффективнее ее использование в индивидуальном порядке.

Таким образом, в условиях неуклонно растущего в России мистификации возникает задача разработки социальной экспертизы, способствующей выявлению мистификаций в различных сферах коммуникации, например, в магических интеракциях.

В третьей главе «Маштабные практики» диссертант анализирует понятие манипуляции, базирующееся на том, что термин «манипуляция» в настоящее время является метафорой и употребляется в переносном смысле: ловкость рук и навыки в обращении с объектами перенесена в этой метафоре на неявное и ловкое управление людьми. При этом манипуляторы в сфере управления людьми используют целый арсенал средств и приемов, которые существенно различаются в сфере межличностных коммуникаций и сфере управления социальными группами. Манипуляция - неявное программирование мнений и целей индивидов и масс, их настроений и психического состояния с целью обеспечения заданных поведенческих реакций и использующее как основной прием социальное конструирование виртуальных реальностей в сфере духовной жизни. Диссертант соглашается с мнениями С. Кара-Мурзы и Е. Доценко, что манипуляторы не считают других людей личностями, для них не имеет значения неприкосновенность личности, внутреннего мира другого человека. Для манипуляторов характерен принцип - цель оправдывает средства.

Диссертант анализирует неявные приемы манипулятивных практик в свете выделенных Л. Федотовой свойств межличностной коммуникации. Подстройка или «присоединение» к аудитории является одним из самых первых и важнейших этапов алгоритма манипуляции. Она требует от манипулятора проведения операции по захвату интереса и внимания зрителей или слушателей. После установления доверительного контакта манипулятор переходит к следующему этапу - присоединение к аудитории. В случае уже удавшегося присоединения к аудитории контакт воспроизводится уже без значительных усилий. Первый признак манипуляции - уклончивость в изложении собственной позиции, использование туманных слов и метафор, некие общие положения в изложении своих целей. Манипулятор, как это отмечает П. Таранов, не может в самом начале контакта ясно обнаружить, свои идеалы и интересы. Четкое изложение манипуляторами своей позиции никогда ими не практикуется, поскольку может сразу «включить» психологическую защиту тех, кто не разделяет их взглядов, а главное, побуждает аудиторию к мысленному диалогу, а он резко затрудняет манипуляцию.

Притворство, симуляция - чрезвычайно эффективный прием для того, чтобы представить нечто таким, каким оно на самом деле не является. Симуляцию можно определить как разрушение основных признаков существующей социальной реальности и подмены их иными признаками, не присущими происходящему (В. Игнатов).

Незыблемость и убедительность социалью конструируемой виртуальной реальности определяется множеством факторов. Объекты манипуляции эти факторы сознательно не фиксируют. Однако манипулятором эти факторы тщательно сортируются и применяются в определенной последовательности, которая складывается в общую стратегию управления восприятием наблюдателей. Диссертант выделяет в этой стратегии как главные следующие факторы:

- интерпретация происходящего самим манипулятором,
- создаваемые манипулятором зрительные образы и вызываемые ими ассоциации,
- Симуляция со стороны манипулятора и проводимая им суггестия,
- уровень закрытости реальных действий,
- ожидания, демонстрируемые манипулятором,
- ложные социально-психологические установки.

Интерпретация происходящего в нужном направлении - наиболее часто применяемый прием в манипулятивных практиках межличностных и массовых коммуникаций. Интерпретация явления плавно переводится манипулятором в область социальной суггестии (В. Козача), т. е. формирования заданного впечатления. Когда манипулятор притворяется, он стремится нечто фальшивое представить как истинное. Притворство является демонстрируемым действием и требует от манипулятора незаурядного актерского мастерства, на что независимо друг от друга обращают внимание К. Станиславский и И. Гофман. Притворство состоит из последовательности физических действий, утверждений, намеков. Все это выполняется в надежде, что объект манипуляции удастся убедить в том, чего на самом деле нет. Фактически демонстрируется набор фальшивых фактов.

Весь аналитический процесс во многом определяется социокультурными привычками объекта манипуляции. Практически весь путь принятия решения и вырабатывание определенного понимания происходящего - результат сопоставления различных идей, ассоциаций. Это - определенная цепочка взаимосвязанных мыслей, стимулируемых поступающими информационными сигналами. В результате сознание объекта манипуляции получает некие ответы, которые станут стимулами для получения определенной цепочки ответов и вызовут определенные поведенческие реакции. D. Fitzkee, R. Gill, W. Goldston отмечают как важное условие успешности мистификации влияние речи исполнителя, того, что и как говорит манипу-

лятор. Речь манипулятора несет на себе отпечаток того стандарта, которому он следует. В создании комплексной виртуальной реальности весьма важным является стратегическое маневрирование. Маневр - это управление обстоятельствами и действиями. Маневрирование предполагает тщательное планирование создаваемых ситуаций, которые обеспечивают гарантированное восприятие конструируемой социальной реальности. При выполнении разработанной стратегии маневр представляет собой последовательность взаимосвязанных шагов, направленных на получение запланированных поведенческих реакций зрителей. Одиночные, изолированные друг от друга фазы манипуляции не создадут виртуальной реальности. Маневр манипулятора - это то, что может интегрировать эти разорванные части. Каждое последовательное действие в мистификации не должно рассматриваться как некая индивидуальная операция, в отрыве от других движений.

Манипулятор всегда маскирует сам факт управления поведением зрителя. Как замечает Ю. Щербатых, мистификатор проникает в социально-психическую сущность объекта манипуляции нежно, косвенно и ненавязчиво. Манипулятор незаметно подводит зрителя к выводам, которые тот якобы делает самостоятельно, в результате собственного анализа. Но это лишь заблуждение. Суждения и понимание происходящего в сознании зрителя возникают за счет косвенного «ведения» зрителя исполнителем.

Рассмотренные приемы и средства, применяемые манипуляторами в манипулятивных практиках в межличностных коммуникациях, показывают, что эти приемы трудно распознаются (Э. Шостром, Corinda). Потенциальными объектами манипуляций могут стать практически любые члены социума, вступающие во взаимодействие с другими людьми. Социально-психологические стороны характера потенциальных объектов манипуляции, как это отмечает В. Сергеевчева, используются манипуляторами как в межличностных, так и в массовых коммуникациях.

Манипуляции в массовых коммуникациях строятся по иным законам, чем манипуляции в межличностных коммуникациях. Отличие процесса состоит прежде всего в нарушенной, замедленной либо вообще отсутствующей обратной связи между субъектами и объектами манипуляций при использовании манипуляторами средств массовой коммуникации. В межличностной коммуникации даже при наличии большой группы людей манипулятор всегда имеет обратную связь, поскольку взаимодействует с индивидами по принципу «здесь и сейчас», лицом к лицу. С одной стороны, как это подчеркивает С. Кара-Мурза, манипуляция, проводимая через средства массовой коммуникации, тем самым затрудняется, поскольку у манипулятора исчезает возможность вносить быстрые корректизы в процесс конструирования виртуальной реальности, с другой стороны, облег-

чается, поскольку у объектов манипуляции исчезает важная, с точки зрения противодействия, возможность дискуссии с манипулятором.

Диссертантам рассматриваются характеристики и особенности функционирования средств массовой коммуникации, определяющие возможность использования в них манипулятивных практик. Манипулятор в сфере массовых коммуникаций имеет возможности для подготовки поля предстоящего взаимодействия в свою пользу. Такая подготовка заключается, по мнению А. Цуладзе, прежде всего в том, чтобы разрушить какие-то представления и идеи в массовом сознании, а затем на этом пространстве создать, построить новые идеи, желания, цели.

Начальная стадия манипуляции в массовых коммуникациях базируется на двойственном характере среды окружающей человека. Члены социума существуют одновременно в двух мирах - в мире вещей и в мире знаков (Дж. Серл, И. Гофман, П. Бурдье). Материальные объекты, окружающие человека, созданы природой и самим человеком в процессе его труда. Мир знаков обладает большим разнообразием, он связан с вещами, но сложными, текучими и часто неуловимыми отношениями. Как правило, именно в мире знаков возможна скрытая подмена физического факта фактом интенциональным, что обеспечивает успех манипуляции. В мире знаков важнейшую роль играет язык. Именно язык служит самым главным инструментом проведения манипуляций в дистанционных коммуникациях. Возможности средств массовой коммуникации существенно ограничены в области неверbalных средств передачи информации. Если в межличностных коммуникациях невербальные сообщения несут в себе огромный пласт информации, то газета, радио и даже телевидение в основном опираются на вербальные способы кодировки информации. Как только манипулятор начинает изменять язык, вводя в него абстрактные номинализации, он конструирует социальную реальность, в которой размывается конкретное восприятие определенных процессов (Р. Бэндлер, Д. Гриндер, М. Эрикссон). За последние десятилетия русский язык «обогатился» большим количеством иностранных слов. Основное назначение массы иностранных слов, употребляемых в средствах массовой коммуникации, с точки зрения манипулятивных практик, заключается в замаскированном запутывании обыденного сознания. А запутывание уже представляет собой уловку, позволяющую манипулятору сгладить, а то и вовсе изменить реакцию на явление.

За последнее десятилетие резко изменился характер сообщений телевизионных новостей по сравнению с советским периодом (Т. Дридзе, В. Терин). Произошло почти моментальное переключение телевидения на тип информационного потока мозаичной культуры с ее раздробленной семантикой и риторикой. В сообщениях телевидения перестали ставиться и обсуждаться целостные проблемы, понятия и теории, в которых они мо-

гут быть осмыслены. На телевидении возник новый тип сообщений, которые призваны внести хаос в мышление, сделать его некогерентным. Телевидение выступает в настоящее время как манипулятор общественным сознанием. Для большинства телевизионных каналов стало характерным в передаваемых сообщениях ставить под сомнение социальные ценности общества, порочить священные символы, разрушать идеологические установки и, тем самым, снимать психологическую защиту против манипуляции. Используя все средства манипулятивной риторики (дробление, срочность, сенсационность), телевидение создало практически тоталитарный фильтр, лишающий население России минимально необходимой информации о реальности (Ю. Болдырев, С. Кара-Мурза). Вместо передачи сбалансированной информации о реальных событиях и представления всего спектра мнений, которое априори различно в условиях развития России, усилия телевидения направлены на формирование общественного мнения с недопустимым уровнем манипуляции. Телевидение еще пытается поддержать миф о том, что его усилия позволяют лишь выявить такое общественное мнение. А вот журнал «Общественное мнение» на своих огромных рекламных стенах в Саратове оказался куда как более откровенным. Под названием своего журнала - «Общественное мнение» большими буквами начертано: «Мы его формируем!» Манипуляторы, возможно, не отдавая себе в том отчета, откровенно признали, что сами конструируют определенное мнение, создавая при этом иллюзию его общественной значимости.

Для того, чтобы успешно противостоять возможной манипуляции и действовать в своих интересах, а не в интересах манипулятора, человек должен реалистично проанализировать существующие реалии и в результате этого анализа определить три параметра: свое нынешнее состояние, желательное для него будущее состояние, путь перехода от нынешнего состояния к будущему. Многие именно в этом важнейшем процессе разработки своего социального поведения в ожидаемой ситуации обращаются к ассоциативному мышлению, которое предлагает готовые результаты в сходных ситуациях (А. Лосев, А. Цуладзе).

Огромное количество метафор, внедряемых в массовое сознание, погибают на время способность общества к здравому мышлению - налицо магическая манипулятивная технология. Массовое сознание питается метафорами, готовыми штампами. По своей сути метафоры представляют собой художественно оформленные стереотипы мышления. А одним из главных средств, которыми пользуются «социальные дизайнеры», являются социальные стереотипы. Для изменения поведения человека в нужном направлении манипулятору необходимо исказить шкалу ценностей, выставить на первое место подчас такую мотивацию, о которой люди в процессе жизнедеятельности не задумываются. Такие манипулятивные приемы ана-

лизируются диссертантом на примере уличной коммерческой и политической рекламы в Саратове.

Четвертая глава «Социальное конструирование виртуальных реальностей современными коммуникаторами» посвящена осмысливанию результатов социологического исследования среза общества, имеющего отношение к магическим интеракциям. Была выдвинута и проверена гипотеза о том, что верующие люди склонны верить в сверхъестественные возможности магии, что является определяющим фактором в их контактах с магами. Были проанализированы результаты социологических опросов, позволяющие судить о степени религиозности россиян различных возрастных групп. В главе приводится подробный анализ структуры магической организации на примере Российского Магического Братства. Анализ анкетных опросов дает возможность судить о мотивациях, степени религиозности людей, вступающих в магические интеракции, о декларируемой ими степени ответственности при использовании магических технологий.

Диссертант констатирует несомненный социологический интерес к исследованию процесса функционирования невероятно выросшего рынка «магических» услуг (О. Паченков). Появление такого специфического рынка стало возможным в России лишь в последние два десятилетия, в результате смены настроя общественного сознания, когда на смену официальному государственному атеизму приходит традиционная религиозность и квазирелигиозность народных масс. По мнению автора, начало этому процессу было положено в конце восьмидесятых годов телесеансами А. Чумака и А. Кашпировского.

Социологи приходят к выводу о том, что современный российский человек живет в магическом мире (Л. Ионин, Ж. Тощенко). Эта явная парадоксальность общественного сознания дает основание полагать, что победа либерально-демократического прогрессистского, рационалистического мировоззрения является лишь декларируемой фикцией. На самом деле, чем дальше заходит прогресс, тем больше он порождает магическое мировоззрение, да и сам прогресс приобретает все больше магических признаков. Форма и степень религиозности и квазирелигиозности имеют, на взгляд диссертанта, самое непосредственное отношение к возросшему рынку магических услуг и являются определяющими при обращении конкретного человека к помощи мага-целителя. Такова была рабочая гипотеза, которая нуждалась в экспериментальной проверке. Диссертантом было проанализировано шесть социологических опросов российской молодежи с точки зрения обращения респондентов к магическим практикам в зависимости от степени их религиозности (М.Мчедлов, Л. Новикова, Л. Митрохин, Л. Воронцова, А. Панков, П. Кулаков).

Характерно, что значительное число верующих, фиксируемых в социологических опросах, включает не только «верующих вообще», но и

приверженцев причудливых эклектических систем: культа НЛО, разного рода неоязыческих представлений, астрологии. Автором на основании проанализированных социологических опросов зафиксировано то обстоятельство, что сегодня вера в некоторые мифологемы распространена значительно больше, чем вера в Бога. Верующих в Бога - 43%, в «похищение биоэнергии» - 67%, в астрологию - 56%. Данные проанализированных социологических опросов свидетельствуют о высокой степени «магичности» индивидуального сознания участников опросов.

Диссертантом проводится социологическое исследование структуры, динамики и тендерных соотношений в закрытой магической организации на примере Российского Магического Братства (РОМБ), созданного в России в 1990 году. РОМБ официально зарегистрирован в Москве в 1990 году как филиал Международного Братства Магов - Магический Круг России № 288 (The International Brotherhood of Magicians, Ring of Russia 288). Инициатором его создания выступил Президент Международного Братства Магов Энтони Шелли (Англия). Проведенный анализ анкет показывает динамику изменения количественного состава организации, ее социальный и тендерный состав, образовательный уровень, возраст, магические направления, интересные для изучения вступающему в Братство, мотивации для занятий магическими практиками и уровень владения магическими технологиями кандидатов в члены РОМБа. 83 % кандидатов называли себя верующими людьми, не обозначая при этом свою принадлежность к определенной религиозной конфессии. Все вступающие в РОМБ верующие убеждены в лечебном эффекте биополя, многие заявляли о наличии у себя экстрасенсорных способностей и готовы были изучать магические практики. Результаты анкетирования подтвердили гипотезу диссертанта о том, что верующие в подавляющем большинстве верят в реальность магии. Высокий процент (75 %) людей, которые не считают себя верующими, но признают реальность магии и экстрасенсорики, еще раз подтверждает магичность массового сознания.

Дальнейшие исследования процесса социального конструирования виртуальных реальностей современными российскими магами потребовали применения иной методологии. Прежде всего здесь необходимо использовать метод включенного наблюдения, дополненный непосредственным личным участием в самой магической интеракции. Опираясь на идеи П. Бурдье, диссертант через теоретическую рефлексию обостряет сознание разрыва между *теоретическими* целями теоретического понимания и *практическими*, непосредственно заинтересованными целями практического понимания задачи социологического исследования. Диссертант считает, что магические интеракции можно рассматривать как специфические формы игры с односторонне неопределенными правилами. Правила этой игры не определены для клиента, как в большинстве иных игр (Й. Хейзинг-

га, М. Элиаде), но сам маг, конструирующий виртуальную реальность магического взаимодействия, не только создает эти правила, но и меняет их произвольно в зависимости от развития ситуации. Для успешного оперирования игровой ситуацией маг должен активно поддерживать обратную связь. Поэтому в большинстве магических интеракций, базирующихся на различных трансовых технологиях, первая стадия коммуникации обязательно включает плавное вовлечение клиента в виртуальную реальность с одновременным отключением его внутренних систем противодействия. Для этого применяется мощный комплекс неявных приемов подавления воли. Выявление таких приемов позволило автору предложить систему индивидуальной защиты от неявного воздействия на механизм принятия решения.

Главным в противодействии магическому подчинению является то, что клиент должен, как минимум, самостоятельно осознать процесс вхождения в виртуальную реальность, отличную от привычной социальной реальности. Он должен осознать предпринимаемую магом против него атаку с целью изменения его собственного социального поведения.

В пятой главе «Социокультурные практики манипулирования общественным и индивидуальным сознанием» рассматривается использование выявленных манипулятивных практик в различных вариантах магических интеракций. Такое использование может происходить в двух принципиально различных аспектах: как социальная экспертиза паранормальных явлений и предполагаемых мистификаций и как творческая деятельность в разработке новых спецэффектов в области искусства. Знание магических технологий позволяет эксперту эффективно обнаруживать выявленные приемы и средства в специфических межличностных и массовых коммуникациях - в лечебной магии, в декларируемых способностях к демонстрации паранормальных явлений и т. п. - во всех случаях активного использования коммуникатором мистификаций на основе принципов социального конструирования виртуальных реальностей.

В главе анализируются примеры проведения экспертизы и использования манипулятивных практик в области социальных коммуникаций. Методологией такого анализа является двойная рефлексивность, включенное наблюдение, кейс-стади, анализ видеоматериалов.

Социальная экспертиза экстрасенсорики направлена на выяснение скрытых или неявных манипулятивных приемов социального конструирования виртуальных реальностей, используемых «экстрасенсами» в магических интеракциях. Один из первых вариантов проведения диссертантом такой социальной экспертизы состоялся в Саратове на концерте В. Г. Мессинга. Анализируя дневниковые записи кейс-стади, диссертант приходит к выводу о том, что первоначальная гипотеза об использовании манипуляторами лишь доступных им социально-психологических средств конструи-

рования виртуальных реальностей получила подтверждение в условиях экспертизы концертного выступления так называемого «телепаты». Чтения мыслей в выступлении В. Мессинга не было, однако четко фиксируются манипулятивные приемы. В. Мессинг успешно конструировал на своих выступлениях социальную реальность, в которой он представлял в образе телепата, используя для этого целый спектр артистических приемов и средств.

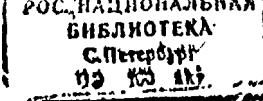
Методика анализа парапротивных феноменов на возможность использования манипулятивных практик может успешно применяться во всех случаях экспертизы парапротивных способностей мага-целителя. Для ее применения, однако, эксперту совершенно необходимо знать существующие приемы и средства социального конструирования виртуальных реальностей с измененными каузальными связями. Только тогда можно отследить используемые манипулятивные практики вытеснения моделей реальности повседневности.

Проведенная социальная экспертиза действий экстрасенса-целителя К., анализируемая диссертантом на отснятых им видеоматериалах, дает возможность сделать следующие выводы.

- Целитель К. смешивает и подменяет в своих магических практиках физические факты фактами интенциональными.
- «Информационное поле», из которого целитель К. якобы черпает информацию, является лишь объемной социально-психологической метафорой, используемой для конструирования заданной модели реальности.
- Целитель К. в интерактивной практике использует атрибуты активного социального конструирования переднего и заднего планов драматургического действия.
- Целитель К. не показала экстрасенсорных способностей сбора информации.
- Рекомендации целителя показали абсолютную зависимость получаемых результатов как с помощью маятника, так и с помощью электроприбора, лишь от сознательного волеизъявления оператора, но не от каких-то мифических «информационных полей».

Результаты экстрасенсорной диагностики клиента методом маятника и с помощью диагностического прибора «подгоняются» оператором под заранее созданную ею самой манипулятивную схему на основании воспринятых декларированных вербальных установок, но не на основании объективных данных, получаемых якобы из «информационного поля».

Диссертант проводит анализ процесса социального конструирования виртуальной реальности с использованием манипулятивных приемов в магической интеракции. Каждый индивид живет в своем, созданном его ворос национальной

образением мире (В. Скотт, П. Спаркс). Манипуляторы реально создают совершенно фантастические миры, в которых невозможные события встраиваются в привычную реальность повседневности. Процесс внедрения виртуальной реальности в сознание объектов манипуляции имеет особенности для индивидов с ярко выраженной социальной ролью лидера. Анализ кейс-стади социального взаимодействия, проведенный доктором на основании личного участия в магических интеракциях, позволяет зафиксировать и объяснить с социологической точки зрения особенности таких конструктов. Манипулятору сложно вытеснить привычную социальную реальность и заменить ее иной реальностью в восприятии человека-лидера, привыкшего самостоятельно создавать и успешно менять окружающую его социальную действительность. Ощущение непонимания возникших в новой реальности причинно-следственных связей и невозможность управлять реальностью привычными, апробированными методами создает в сознании такого лидера социальный дискомфорт, превалирующий над всеми другими эмоциональными ощущениями. Желание подавить возникший социальный дискомфорт создает стойкое сопротивление восприятию новой реальности и как бы затягивает человека назад в привычный, комфортный и понятный мир. Для этого им тут же создаются интерпретации, призванные объяснить самому себе странные феномены. Главное свойство таких интерпретаций - возможность мгновенно объяснить самому себе непонятное. При этом абсолютно не берется в расчет адекватность создаваемого объяснения и того, что происходит на самом деле. Если объяснение удовлетворяет своего создателя, оно становится тем самым якорем, который удерживает его в привычном русле событий. Укорененное в сознании индивидов-лидеров чувство возможности контроля над обстоятельствами требует активного противодействия любым внешним попыткам изменения их личного социального статуса в новой виртуальной реальности.

Доктором анализируется кейс-стади манипулятивного взаимодействия с участниками магических интеракций в экваториальной Африке. Автор подтверждает предположение о том, что процесс любой коммуникации двух или нескольких ее участников происходит в рамках взаимодействия, определяемых моделью реальности, конструируемой и воспринимаемой каждым из партнеров. От адекватности элементов взаимодействующих моделей и возможности их совмещения зависит успешность процесса коммуникации, в которой каждый участник ставит определенные цели и пытается их достичь. Реакция аборигенов Южной Африки на выступление автора в социальной роли сценического мага подтверждает выдвинутую Л. Леви-Брюлем гипотезу о том, что представление о невидимых силах, носящее у первобытных народов всегда эмоциональный характер, определяется не чертами этих многочисленных сил, а тем страхом, кото-

рый они внушают, и потребностью защиты против них. Опыт социального конструирования виртуальных реальностей, почерпнутый автором из его концертных выступлений в странах Европы и Африки перед различными социальными группами, позволяет сделать следующие выводы.

- Социальный запас знания аудитории является наиболее важным фактором, определяющим эффективность внедрения виртуальных конструктов в сознание зрителей.
- Социумы, не знакомые с европейскими традициями иллюзационных выступлений, придерживаются магических верований по отношению к наблюдаемым виртуальным феноменам.
- Специфическое возбуждение, возникающее в таких социумах как социальная реакция на соприкосновение с магическим воздействием, мгновенно трансформируется в веселье, как только появляется уверенность в отсутствии отрицательных аспектов наблюдаемой магии.

Диссидентом рассматриваются социально ориентированные приемы конструирования виртуальных реальностей, используемые современными российскими манипуляторами в опосредованных контактах. В частности, анализируются с социокультурной точки зрения тексты «предложения» некоей ясновидящей Марии Дюваль, разрекламированной множеством средств массовой коммуникации по всей России.

Рекламное объявление составлено с использованием девяти различных типов шрифтов и двенадцати типов выделения текста. Такие разнообразные способы преподнесения информационного материала преследуют несколько различных манипулятивных целей. Анализ рекламного материала, проделанный диссидентом, выявляет его неявно выраженный, во многом закамуфлированный, но жестко ориентированный социально-антропологический характер обращения.

Чрезвычайно важно, что манипуляторы ничего не требуют от потенциального клиента и ничего ему не предлагают купить на первом этапе привлечения интереса. Ему предлагают лишь решить, стоит ли продолжать жить неудачником или воспользоваться «абсолютно бескорыстным» предложением Марии Дюваль, которая просто жалеет миллионы российских граждан, над которыми «иззываются темные силы». От клиента не требуют ничего, только написать письмо и изложить свою проблему. Отклик на это предложение наивных и отчаявшихся людей и помогает мистификаторам создать компьютерную базу данных для дальнейшего манипулятивного воздействия на клиентов, добровольно давших свое согласие на такое воздействие. Группа мистификаторов, учитывая социальный интерес большой группы людей к магии, использует этот интерес в своих корыстных целях. Для этого они успешно применяют манипулятивные средства воздействия на систему принятия решения, выявленные диссидентом в процессе исследования.

В заключении автором диссертации даны основные выводы и результаты проведенного исследования, сформулированы практические рекомендации, определены перспективные направления дальнейших исследований.

Список авторских публикаций

Монография

1. Свечников В. С. Социальное конструирование виртуальных реальностей. - Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2003. - 13 п. л.

Статьи

2. Свечников В. С. Магичность массового сознания // Человек. 2004. № 2. С. 45-54(1 п. л.).
3. Свечников В. С. Манипулятивные практики в российском социуме // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 2. С. 26-36 (1 п. л.).
4. Свечников В. С. Религиозность и магические мистификации в массовом сознании // Социологический журнал. 2003. № 1. С. 136-145 (1 п. л.).
5. Свечников В. С. Построение ложных моделей // Народное творчество. 2003. № 3. С. 45-47 (0,4 п. л.).
6. Свечников В. С. Городская магия: социальное конструирование и экспертиза // Города региона: культурно-символическое наследие как гуманитарный ресурс будущего: Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. проф. Т. П. Фокиной. - Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. С. 86-89 (0,4 п. л.).
7. Свечников В. С. Тендерный аспект магических практик // Мужчина в традиционной культуре народов Поволжья: Материалы Международной научно-практической конференции. - Астрахань: АГУ, 2003. С. 134-142 (0,6 п. л.).
8. Свечников В. С. Механизмы социального конструирования систем управления восприятием виртуальных реальностей // Интеграционные процессы в современном обществе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции.-Саратов, 2003. С. 102-106 (0,3 п. л.).
9. Свечников В. С. Методика экспертизы парапротомальных явлений на возможность использования иллюзионных средств и приемов // Наука, антинаука и парапротомальные верования: Материалы Международного симпозиума. М., 2002. С. 98-99 (0,2 п. л.).
10. Свечников В. С. Иллюзорная реальность (Социальное конструирование виртуальных реальностей в иллюзионном творчестве) // Народное творчество. 2002. № 5. С. 54-55 (0,4 п. л.).
11. Свечников В. С. Социокультурные особенности клубных объединений фокусников в Саратове (Как просочиться сквозь лист фанеры) // Народное творчество. 2002. № 4. С. 14-15 (0,4 п. л.).
12. Свечников В. С., Фиглин Л. А. Террористический суицид как социально-психологический феномен // Проблема нормы и патологии: современное состояние и перспективы. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2002. С. 102-106 (0,4 п. л.).

- менные дискурсивные практики: Материалы Международной научно-практической конференции. Саратов: Сарат. мед. ун-т, 2002. С. 63-68 (0,3/0,4 п.л.).
13. Свечников В. С. Социальное конструирование виртуальных реальностей // Проблема нормы и патологии: современные дискурсивные практики: Материалы Международной научно-практической конференции.- Саратов: Сарат. мед. ун-т, 2002. С. 61-63 (0,3 п. л.).
14. Свечников В. С. Социальное конструирование реальностей коренными жителями Мозамбика // Современные проблемы этничности: Сб. науч. статей. Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2001. С. 160-165 (0,4 п. л.).
15. Свечников В. С. Мистификация как социокультурный феномен // Материалы девятых Страховских чтений. Саратов: Сарат. пед. ин-т, 2000. С. 186-189 (0,3 п. л.).
16. Свечников В. С. Управление вниманием в магическом пространстве // Проблемы формирования социальной и производственной инфраструктуры: Сб. науч. статей. Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2000. С. 30-33 (0,3 п. л.).
17. Свечников В. С. Некоторые аспекты социокультурного анализа процесса мистификации // Вопросы психологии внимания: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 17. Саратов: Сарат. пед. ин-т, 1999. С. 193-196 (0,2 п. л.).
18. Свечников В. С. Психологическое манипулирование и информационно-психологическая безопасность личности // Педагогическая практика: опыт и перспективы. Вып. 3. Саратов: Сарат. пед. ин-т, 1999. С. 88-91 (0,2 п. л.).
19. Свечников В. С. Создание и восприятие иллюзорных реальностей // Материалы юбилейной научно-практической конференции, посвященной 25-летию отделения психологии СГУ. Саратов: Слово, 1996. Вып. 2. С. 110-113(0,2 п. л.).
20. Свечников В. С. Безальтернативный выбор // Рефлексивные процессы: метафизика, методология, практика: Сборник научных работ. - Саратов: Поволж. академия гос. службы, 1996. С. 87-90 (0,2 п. л.).
21. Свечников В. С. Методология магии как процесса коммуникации // Бюллетень Международной академии психологических наук. Вып. 2. - Саратов-Ярославль, 1995. С. 40-42 (0,2 п. л.).
22. Свечников В. С. Эргономический подход к определению индивидуально-психологических свойств человека //Современные методы обучения и контроля знаний студентов: Сб. науч. статей. Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 1995. С. 103-104 (0,2 п. л.).
23. Свечников В. С. Три аспекта сценической магии // Материалы четвертых Страховских чтений. Саратов: Сарат. пед. ин-т, 1995. С. 116-118 (0,2 п. л.).

24. Свечников В. С. Особенности восприятия магических актов // Вопросы практической психологии: Сб. науч. статей. Вып. 2. Саратов: Сарат. пед. ин-т, 1995. С. 24-27 (0,3 п. л.).
25. Свечников В. С. Магия в Великобритании // Магический Журнал. 1994. № 3-4. С. 2-5 (0,4п. л.).
26. Свечников В. С. Магия на острове Кипр // Магический Журнал. 1994. № 1 - 2. С. 4-6(0,3 п.л.).

Лицензия ИД № 06268 от 14.11.01

Подписано в печать 12.01.04 Формат 60x84 1/16

Бум. тип. Усл. печл. 2.09 (2,25) Уч.-издл. 2,0

Тираж 100 экз. Заказ 28 Бесплатно

Саратовский государственный технический университет

410054 г. Саратов, ул. Политехническая, 77

Копицентр СГТУ, 410054 г. Саратов, ул. Политехническая, 77

€ 3214